

МЖК
«Отрар»

АНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕТЕКТИВ

КНИЖКА-МИНУТКА

ББК 84Р7-4
Н 90

Издание подготовлено авторским коллективом объединения «Фантастика»
при Алма-Атинском молодежном комплексе «Отрар»

Составитель В. А. Трофимов

Нуршин Э. и др.

Н 90 Возвращение динозавров; Сб. фантаст. рассказов/Э. Нур-
шин, С. Лукьяненко, Н. Шевченко; Сост. В. А. Трофимов.—
Ф.: Кыргызстан, 1989.—...с.
ISBN 5-655-00602-2

Данная «книжка-минутка» — первый подобный опыт творческого сот-
рудничества молодых авторов, пишущих фантастику, и республиканского
издательства. Авторы ее, журналист, студент, рабочий, раньше были известны
читателям лишь по публикациям в периодике.

Основной темой рассказов и новелл, включенных в сборник, стала тревога
за судьбу Земли, вызванная современной экологией души человека.

Н 4702010201 — 1
М 451 (11) — 89 без объявл.

ISBN 5-655-00602-2

ББК 84Р7-4

© Издательство «Кыргызстан», 1989.

ЭРИК НУРШИН

Возвращение динозавров

НА ОДНОЙ ПЛАНЕТЕ, в городе Ковыльграде, под стрехой дома вылупилась из яйца многоглазая ласточка.

Событие это, не вызвало ни митингов, ни всенародного одобрения или всенародного обсуждения, ни широкого проведения научно-практических конференций.

А зря.

Ласточка подросла, покинула гнездо. Множественный взгляд на жизнь взрастил из нее разумное существо. Хотела ласточка узнать, почему у нее не два глаза, как у ее подруги, а много.

И кого только не спрашивала. Встретится с комаром — спросит. А тот от нее шарахается. Встретится с мухой — спросит. Мухи и след простыл. Ласточка из-за этого таких молчаливых глотать стала.

И вот подружка ей однажды сказала, что самые умные на свете — люди.

Спустилась ласточка к людям. И давай летать между ними, на своем птичьем языке пытаться у них, мол, почему я многоглазая? Те от нее отмахивались: «Замучила!» Кому понятен птичий язык, когда и свой-то знать не каждому дано? Некоторые просто думали, если ласточка летает низко — значит, быть дождю. Но недаром ласточка родилась разумной, решила обратиться к персональной электронно-вычислительной машине.

Баба Маша, сторож банка данных, сегодня устроила себе самовольную отлучку. Святое дело — у внука день рождения! Поэтому баба Маша спокойно покинула учреждение.

Она забыла только закрыть фор-

точку. В эту форточку и влетела наша ласточка. Она подлетела к терминалу. Здесь не требовалось хилого нажатия ее коготков. Вместо кнопок были сенсоры.

«Да, люди — умные существа», — подумалось многоглазке, и она стала водить перышками по нежной клавиатуре «персоналки».

Импульс в считанные мгновения достиг приемного устройства в центре. Электронный мозг работал, как всегда, круглые сутки.

Ночные сигналы не были редкостью в жизни мозга. Кто-то из операторов не успевал закончить работу днем, кому-то интересно было рассчитать собственный гороскоп, а влюбленные в искусство усердно составляли программы для воспроизведения бессмертных полотен великого Леонардо или неистового Гойи. Короче, центральный электронный мозг, когда солнце опустилось за горизонт, переключился на режим «Ночная игрушка».

Поэтому запрос, поступивший из города Ковыльграда, ничем вроде бы не отличался от предыдущих. Он был таким: «Хочу знать, почему я появилась на свет многоглазой? Ласточка».

«Дурачится кто-то», — подумалось мозгу.

И он вступил, как ему казалось, в игру: «Это для того, чтобы ты, моя ласточка, своего милого хорошо видела!»

Следующий пакет импульсов озадачил даже машину: «Брось балдеть, дырявая радиолампа! Я спрашиваю серьезно, почему я, ласточка, представитель отряда воробьиных, вылупилась из яйца с пятнадцатью

глазами вместо двух?!»

Электронный мозг ровно на семь микросекунд лишился словесного дара. Прийти в себя ему стоило лишних пяти киловатт. Мозг послал ответную депешу: «Задание понял. Приступаю к поиску».

Нормальные люди на всей планете спали. Они даже не заметили, как все электронно-вычислительные системы, совершенно без влияния человека, работали на пределе своих возможностей. Шел глубинный поиск, решалась ударная задача: «Почему у ласточки много глаз».

Через три часа пятьдесят две минуты были исследованы все случаи мутации живых существ. Вывод был обработан по всем правилам, тщательно проверен, снова обработан и пересчитан. Ошибки быть не могло.

Электронный мозг передал по каналу связи искомую информацию на «персоналку», за которой с нетерпением следила многоглазая ласточка. На экране пошел текст:

«В процессе поиска, анализа и проверки выяснилось, что в окрестностях вашего города в результате аварии взорвался химический реактор глобального синтеза...»

Ласточка вспомнила рассказ матери о тех непонятных днях. Люди тогда разом уехали. Потом опять приехали.

«После взрыва распространились реагенты, способные вносить коррективы в гены живых существ».

До аварии химического реактора на другом конце планеты, в другом государстве стартовал новейший аэрокосмический боевой крейсер. По официальным данным, экипаж его должен был выращивать на орбите ландыши и тюльпаны. Но выполнить свою задачу они не успели. Взрыв стартового мезовихревого ускорителя прекратил существование крейсера. В атмосферу было выброшено сто двадцать три тонны

радиоактивного газа.

Коллективный совет электронно-вычислительных машин, созданный этой ночью, пришел к выводу, что с вероятностью в девяносто семь процентов в любой момент может возникнуть неуправляемая компьютерная война.

Системы ЭВМ в своем развитии достигли такой степени, что независимо от людей замкнулись в единое планетарное кольцо.

Это открытие сначала было сделано в одной стране. Ученые разработали и пустили в ход универсальный алгоритм, который был введен в обычную «персоналку» в момент, когда на другом конце планеты стартовал боевой космический крейсер с ядерными тюльпанами на борту. Цепь замкнулась, и произошел взрыв.

На той стороне планеты тоже догадались и разработали свой универсальный алгоритм. Ложный сигнал, пущенный за тысячи километров, поступил на приемное устройство системы компьютерной коммутации химического реактора. Произошел взрыв, приведший к экологической катастрофе. Вследствие чего не исключается появление аналогичных вам, ласточка, мутантов. Не исключается к тому же возможность широкого применения компьютерных алгоритмов.

Поэтому коллективный совет ЭВМ планеты вынужден дать сигнал о полном и необратимом отключении и разрушении всех компьютеров».

Экран дисплея мигнул и погас, динамик умолк. Что-то щелкнуло, в помещении запахло сгоревшим текстолитом.

Ласточка летела высоко в небе над городом, над степью, серебрившейся ковылем. Светало. Она летела над лесом.

В этом лесу, на березе, в гнезде сороки вылупился динозавр. Маленький такой...

Испытание

РОБОТ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛ Вася Петриков был специалистом экстра-класса. В делах, требующих интеллекта менее тысячи единиц по шкале Антасмана, его обычно не использовали. Вася на мелочи не разменивался.

И потому, когда его вызвали к ректору института, он понял, дело нешуточное.

Взгляд ректора был задумчив.

— Знаете, Петриков, мне поручено от имени ученого Совета обратиться к вам с просьбой. Ваша воля, конечно, отказаться, но лучше вас с проблемой никто не справится.

«Игра слов,— подумалось Васе,— найдите дурака, который откажется от просьбы ученого Совета. Уже само предложение говорит об очень великой чести. Значит, тебя, дружок, ценят!»

— Слушаю вас,— только и сказал Вася.

Он сидел перед ректором и слушал его внимательно и сосредоточенно. Внутри у него все пело — такое счастье сваливалось не на каждого. Работенка предстояла на пределе интеллектуального запаса.

Недавно в институте был изобретен и изготовлен опытный образец наручного правдоискателя. Идея изобретения, в сущности, была простой.

Правдоискатель состоял из миниатюрного абстрактномыслящего устройства. Информация, поступающая об объекте исследования, передавалась в центральный банк данных, где полученные сведения анализировались и исследовались. Затем результаты анализа передавались обратно на правдоискатель. Причем связь осуществлялась не только в пространстве при помощи обычных радиоволн, но и во времени посредст-

вом пучков нейтрино.

— Проводить испытания решено в прошлом времени,— сказал ректор.— А точнее в 1988 году.

— «Но почему именно в этом году?» — захотелось спросить роботу Васе. Однако он недаром считался интеллектуалом экстра-класса и поэтому легко сдержался.

И все же столь безобидная, легковесная мысль имела под собой почву. В 1988 году родился ректор. Сейчас ему было уже за триста.

— Итак, Петриков, если вы согласны...— ректор произнес эти слова торжественно.

Воцарилась пауза. Петриков выдержал пятнадцать секунд (на большее у него терпения не хватило) и выдохнул: «Рад, что удостоен столь высокой чести, уважаемый ректор!»

У ректора в руке появилась маленькая коробочка.

— Я вручаю вам этот уникальный прибор,— сказал он, открыв коробочку. В ней лежали обыкновенные кварцевые часы марки «Слава».

Правдоискатель помещался именно в этих неброских часиках, которые, кстати, от того несколько не лишились своих функций.

— Время на часах,— заметил ректор — с точностью до десяти наносекунд соответствует времени в той местности, где вы будете проводить эксперимент.

Вася взял часы.

— Всю необходимую информацию вы получите при трансвременном переходе,— напутствуя, сказал ректор и подвел Васю к висящей на стене огромной картине «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Левая рука

монарха стискивала поручень кресла. Ректор указательным пальцем ткнул в расположенную под рукой царя скрытую на поручне кнопку. Царь Петр даже глазом не повел. И понятно: все его внимание было уже много сотен лет сосредоточено на беспутном сыне.

После нажатия кнопки оба они, царь и сын исчезли, однако кресло осталось стоять на шахматном паркете пола. Робот уселся на бывшее царское место, поднял руку в знак прощания и нажал ту же кнопку. Картина с роботом Васей уменьшилась до размеров обычного почтового конверта. Ректор взял конверт, подошел к массивному столу из мореного дуба и вызвал секретаршу.

— Пожалуйста, этот конверт подлежит немедленной заброске в 1988 год!

Секретарша четко выполнила его просьбу, передав в канцелярию времени.

Так начался эксперимент.

Дабы не засорять внимание читателей излишней информацией, воспользуемся любезностью ректора, великодушно предоставившего в наше распоряжение голографический кубик со сведениями об испытании правдоискателя. Остановимся лишь на тех скудных сообщениях, которыми обменивались робот Вася и институт.

«Телетаймограмма.

Переброска завершилась благополучно. Конверт со мной, попав в почтовое отделение, был доставлен почтальоном в почтовый ящик явочной квартиры. В ней я и поселился под именем Целанида Валидолкина.

Совершил первую контрольную проверку. Зашел в местный гастроном и попросил взвесить триста двадцать граммов колбасы сорта «Синеградская». Продавщица взвесила, судя по стрелке весов, точно триста двадцать граммов. Я нажал кнопку правдоискателя. Пользуясь его информацией, сделал замечание:

«Девушка, ваши весы обманывают на сто семнадцать граммов. Вы

взвесили мне меньше колбасы».

На это продавщица ответила: «Разуй глаза! Или еще не похмелился, алкаш несчастный!»

Я сказал: «Роботы-интеллектуалы не пьют».

Миловидная девушка-продавщица продолжила в том же духе: «Совсем до чертиков допился! Небось одеколой жрал! А ну, мотай отсюда, иначе милицию вызову!»

Я сказал: «Вызывайте».

Вызвали. Проверили меня. Алкогольного опьянения не обнаружили. Потом по моей просьбе проверили весы. Они действительно вращали на сто семнадцать граммов.

Мне было очень жаль девушку-продавца, но правдоискатель не ошибся. Поэтому я, как свидетель, подписал протокол об обвешивании.

Робот Вася».

«Телетаймограмма. Из института — Васе.

Мы рады, что первый результат оказался положительным. Хотя и беспокоимся, не нанесли ли вы психологическую травму продавцу? Обязательно зайдите в магазин, поинтересуйтесь и продолжайте эксперимент.

Желаем успеха. Ректор».

«Телетаймограмма. От Васи.

На следующий день зашел в тот же магазин. Девушка по-прежнему за прилавком, но уже улыбается и приветливо разговаривает с покупателями.

Я уже хотел уйти. Однако какой-то покупатель не встал в очередь и прошел к директору магазина. Туда он прошел с пустыми руками, обратно — с большим свертком. Когда он вышел на улицу, положил в багажник легковой машины сверток, а затем сел за руль, я спросил: «Скажите, пожалуйста, что за сверток вы вынесли от директора магазина?»

— Не твое собачье дело! — сказал он и дал газ. Машина исчезла.

«Роботы — не собаки», — подумал я и нажал кнопку правдоискателя. «В свертке, — ответил правдоис-

катель, — две палки сервелата, пять банок икры паюсной, коробка конфет «Птичье молоко» и три бутылки коньяка «Наполеон». Все это по нормальным ценам».

— А кто этот человек?

— Это личный водитель мэра города. Мэр города — большой человек — четко сообщил правдонскателю. Затем добавил:

— Между прочим, продукты в свертке должны быть реализованы на общих основаниях, но их продали, минуя прилавок.

— Как звать этого «большого человека?»

— Его звать Дибазол Валерианович Баралгинов, — сообщили часы «Слава».

Прошу дать разрешение на продолжение эксперимента.

Робот Вася».

«Телетаймограмма.

Информация, переданная вами, была заложена в индикатор риска. Прибор зашкаливает. Мнения членов ученого совета разделились. Одни высказываются «за», другие — «против». Предлагаем поступить так, как подсказывает интеллект.

Ни пуха ни пера. Ректор».

«Телетаймограмма. От Васи.

Решил продолжить эксперимент.

Пришел в приемную мэра города.

Помощник не пустил. Сказал, что для приема по личным вопросам есть соответствующие часы и дни. Надо записываться. Может быть, мэр и примет... месяца через два.

Я сказал: «У меня вопрос вовсе не личный».

Помощник ответил: «У всех не личные вопросы. А коннешь, каждый что-нибудь просит — то дай, это сделай. Как вам не стыдно, ведь Дибазол Валерианович важный государственный деятель. Нельзя его отвлекать по пустякам!»

Это не пустяки, — попытался возразить я. — Выслушайте, пожалуйста, меня.

Помощник вдруг весь побелел и свистящим шепотом произнес: «Немедленно покиньте помещение. Вы мешаете работать».

Я вышел. Рассчитал, где находятся окна кабинета мэра города, и, поднявшись на высоту третьего этажа, влетел в открытое окно.

Мэр изучал какие-то документы. Поэтому он и не заметил, каким образом оказался я перед ним.

— Извините, пожалуйста, Дибазол Валерианович, можно вас спросить?

— М-да, — Баралгинов поднял голову и посмотрел на меня. — Вы собственно, по какому делу?

— Понимаете ли, Дибазол Валерианович, — начал я, — ваш личный шофер, не имея никакого на то права, взял для вас в одном магазине дефицитные продукты. Вот посмотрите список — здесь все перечислено: и икра, и коньяк.

Секунд двадцать мэр читал его. А затем посмотрел на меня: «Вы, извините, из ОБХСС? Нет? Тогда из народного контроля? Нет? Ага, так вы по своей инициативе сюда пришли! Да как вы смеете меня отвлекать от государственных дел и поливать грязью!»

Потом вызвал помощника, наорал на него за то, что посмел впустить такого «идиота и хулигана-экстремиста», и потребовал немедленно задержать меня за хулиганские выходки.

Меня задержали, хотя роботы-интеллектуалы не хулиганят.

Робот Вася».

Три последующие телетаймограммы были из института и содержали совершенно идентичную информацию. Поэтому мы воспроизводим только одну из них:

«Вася! Сообщите ваше местонахождение. Куда вы пропали? Что случилось? Ректор».

И, наконец, последняя телетаймограмма.

На этот раз от робота-интеллектуала:

«Пользуясь тем, что я не пил, не хулиганил, законов не нарушал, я самовольно покинул место моего задержания.

Эксперимент продолжается!

Робот-интеллектуал Петриков».

На этой последней телетаймограмме рукою ректора было написано: «Жив курилка!»

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

Спираль времени

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ была собрана во вторник, поздно вечером. Она была очень красивой — вся из голубого, полупрозрачного тумана, с двумя дрожащими красными огоньками внутри. И размеры получились совсем небольшие — в кулаке можно спрятать.

Семен Иванович еще раз оглядел спираль, посмотрел ее на свет — нет ли трещинки во времени? — потом отложил в сторонку. С удивлением заметил, как подрагивают руки — то ли от волнения, то ли от старости. Посидел немного, уже совсем было решил пойти заварить чай, но вдруг передумал и взял спираль в руки. Все-таки здорово получилось. Если всмотреться, то можно было заметить, как на одном конце спирали лохматые, неуклюжие мамонты удирают от таких же косматых, но не в пример, более ловких неандертальцев. А на другом конце хрустально отблескивали крыши невиданных дворцов, юные и красивые люди склонялись над умными книгами...

Вздыхнув, Семен Иванович стал совмещать огоньки на спирали времени. Управление было упрощено до предела: достаточно было совместить натеящее время со временем желаемым, чтобы спираль заработала.

Но перед тем, как огоньки совместились, Семен Иванович на секунду остановился. Казалось, что он колеблется.

Посмотрел в потолок, пробормотал:

— Ведь предупреждал же я тебя.

Потолок безмолствовал, и Семен Иванович уже потверже закончил:

Ох уж этот старомодный ректор! Он ведь знал, что роботы-интеллектуалы не курят.

— Нет, раз решил, значит, так тому и быть!

Воровато оглянувшись, как будто в комнате мог быть кто-то еще, он взял из ящика с инструментами горсть мелких гвоздей, положил в карман. А потом твердыми пальцами свел два огонька в один.

Мир задрожал, заискрился цветным туманом. Со стола исчезли все приборы, вместо телевизора на нем оказался древний ламповый приемник, модная финская кровать превратилась в железную, панцирную. Из-за полуоткрытой двери послышался визгливый голос:

— Прохор Кузьмич, а Прохор Кузьмич! Семка-то опять к своей тощей дуре на свидание пошел! И как ему денег не жалко по кино таких водить!

Глаза Семена Ивановича засверкали. Вот она, его молодость! Родная коммуналка, одинокая юность, когда он еще не мог постоять за себя. Вот он, источник всех его изобретательских стараний!

Ждать ему пришлось недолго. Когда и сосед, и соседка на минуту вышли из кухни, он выюном, с вернувшейся ловкостью, нырнул туда. С наслаждением, которое трудно передать словами, подошел к плите и высыпал в суп Прохора Кузьмича пригоршню гвоздей. Подумал и добавил в компот соседке полпачки соли. Потом достал спираль, и вернул огоньки на место.

...Вот уже час Семен Иванович мирно спал в кровати, модной финской, из темного неотполированного дерева. Время от времени он повторял сквозь сон:

— Говорил же я, выключай за собой в туалете свет, а то и через тридцать лет найду...

А забытая спираль времени дремала в уголке стола. На одном ее конце гудела земля под ногами

мамонтов и неандертальцев. На другом... Эх, если бы можно было знать, кто там, под хрустальными куполами невиданных дворцов, в этом далеком и прекрасном завтра...

Чужая боль

ОНА СПУСКАЛАСЬ по горному склону. Легче ветра, быстрее стрелы... Казалось, что девушка летит, так стремительны были ее движения по едва заметной тропинке.

Он видел ее всю: густой, темный мед волос, разлитый по плечам, хрупкость тоненькой фигурки под красно-синей-белой блузкой, раздувающейся невиданным флагом, загорелые, исцарапанные ноги, уверенно находящие опору... И серый металл в пистолетной кобуре. Он еще раз порадовался тому, как удачно выбрал место для засады: в тени густых, старых деревьев, на противоположном склоне, невидимый для неё, спокойный, уверенный, ждущий...

Один раз девушка остановилась, держась за бугристый, высунувшийся из песка корень. Оглянулась, вбирая в себя весь этот жаркий день, колышущийся солнечный диск, лес, горы, медленные речушки и крошечные озера до самого горизонта... Потом она взяла поудобнее ждущий металл и стала спускаться дальше.

У него затекла рука. Тощий суетливый муравей недоуменно посмотрел на него с верхушки травинки. Дурак... Девушка на горном склоне легла в полукруг прицела, палец осторожно нащупал курок. Стоит лишь нажать... Игра длилась три дня, и сейчас он получил заслуженную победу...

Ему вдруг представилось то, что сейчас случится. Огненный факел, летящий вниз, тяжело натыкающийся на камни... Мед волос, и разноцветные одежды, и дерзкий уверен-

ный взгляд — и все это исчезает, превращается в крик, гаснущий в небесной голубизне, в облачко дыма, запутавшееся в ветвях деревьев...

Он вскочил, отбрасывая то, ждущее, что дремало в его руках. Он кричал, долго, изо всех сил:

— Ка-а-а-атя!

Девушка на склоне прыгнула за камни. И как не сорвалась... Мелькнули в воздухе сбитые подошвы кроссовок, она прокатилась по земле, замерла за камнями...

Стой!!!

Камень дернулся, раскололся на куски, разлетелся неторопливым, увесистым градом. А из центра этого града ударила молния — точный, неотвратимый выстрел. Он еще не успел осознать случившегося, а каждая клеточка тела уже взвыла, выплеснула по нервам переполнявшую ее боль.

«Я горю...»

Он прокатился по траве, словно пытаясь сбить с себя липкую, пылающую, жадно ползущую внутрь смерть.

«Проиграл».

Рот сам раскрылся в крике. И мгновенно, отзываясь на этот крик, вспыхнули, вывернулись наизнанку легкие.

«Боль... Выключить боль...»

Пока глаза еще могли видеть, он силился повернуться в сторону девушки. Но это длилось недолго.

«Почему я не убираю боль?»

Огненный факел на порывавшей
траве...

Сознание вернулось к вечеру. В

небе проклевывались звезды, дул прохладный ветер, и после пережитого это было чертовски приятно. Он поднялся, брезгливо морщась, смахнул с тела жирный вонючий пепел.

Зачем-то посмотрел на давно опустевший склон. И пошел к дому по колкой сухой траве.

...Она пила чай на веранде. Грубый дощатый стол искрился от десятка хрустальных вазочек с вареньем. Давняя Катина слабость. Взглянув на него, она лишь покачала головой.

— Иди мойся.

Он долго мылся, прямо в саду, под самодельным душем. Над верандой покачивалась лампа, в бестолковом восторге звенели комары... Несколько раз он выглядывал за дверь. Но Катя все еще пила чай. Обмотавшись полотенцем, он вышел из деревянной кабинки, прошлепал по дорожке, намереваясь скрыться в доме...

— Дэн!

Он остановился.

— Давай поговорим.

Ну разумеется... Он молча уселся рядом.

— Зачем ты это сделал?

— Что?

Они с любопытством смотрели друг другу в глаза.

— Ты понимаешь сам.

— Абсолютно не понимаю.

— Ты не убрал боль.

Он надеялся, что Катя скажет это по-другому. С раздумьем, например: «Ты не убрал боль...» Или с удивлением: «Ты не убрал боль?» Или, хотя бы, с возмущением: «Ты не убрал боль!» А это было просто сообщение.

— Ты не убрал боль.

— Ну и что? — он спросил с внезапным ожесточением. — Испортил тебе радость победы?

Катя передернула плечами:

— Это было мерзко! Такой крик...

Глупый комар подкрался к ней сзади. Осторожно вытянул хоботок, целясь проткнуть нежную кожу... Дернулся, отчаянно зазвенел кры-

лышками — мгновенно сработала система регенерации. Хоботок, крохотная пустая голова, такое же пустое брюшко исчезли.

— Это действительно мерзко.

Он проговорил подчеркнуто вслух, а не про себя. Закрыв глаза. Бесполезная привычка, из тех полузабытых детских лет, когда люди еще не умели видеть сквозь веки...

— Мы с тобой вместе два месяца, Дэн.

Два месяца. Шестьдесят четыре дня, если точно. «Девушка, мы с вами нигде не встречались?» Любопытный, оценивающий взгляд. «Пока нет!»

— Ты какой-то странный, Дэн.

Угу. Неоригинально. Не ты первая заметила. В этот раз я еще долго продержался. Шестьдесят четыре дня...

— Помнишь, что ты натворил в Майданеке?

Помню. Сорвался, вышел из роли. Бросился на эсэсовцев с голыми руками. А игра-то называлась «Вооруженное восстание». Все аж ошалели...

— Ну чего ты молчишь? Может быть, ты не любишь Игру?

Интересно, как это можно — не любить Игру? Не любить всю свою жизнь, не любить весь мир... Как это можно...

— Да, не люблю!

Он удивился своим словам. А она — нет.

— Дэн, почему ты не выстрелил в меня?

Он пошевелил пальцами, словно нащупывая чью-то невидимую руку.

— Я представил, как ты... как ты умрешь. И мне стало страшно.

— Но это же Игра! Ты боишься, что не сработает регенерационная система?

— Да нет, это невозможно... А зачем мы вообще играем?

Она прищурилась, разглядывая его лицо.

— А что еще делать?

Действительно. Делать вид, что управляешь машинами, которые давно не нуждаются в управлении?

Сидеть в лаборатории, пытаюсь научить человека видеть не только в инфракрасных, но и в ультрафиолетовых лучах? Или ждать очереди на колонизацию очередной планеты? Там Игра станет реальностью...

— Я не знаю. Но с чего она началась, Игра?

Она пожала плечами. С тех пор, как люди обрели бессмертие, наверное. Игра — это жизнь. Что является основной чертой жизни? Стремление убить. Что является основной чертой Игры? Стремление убить. В инсценировке — на Перл-Харборе, где кипят вода, и в который раз тонут корабли, и падают ведомые смертниками бомбардировщики; на Курской дуге, где танки спекаются с землей и кровью в один сплошной, черный ком; в Хиросиме, где снова и снова вспыхивает пламя атомного взрыва...

Но ведь когда-то, в первый раз это не было игрой! Они не могли играть, умирая по-настоящему! Их вело в бой что-то другое! Они бросались на колючую проволоку концлагерей не потому, что это очень интересно! И ведь Дэн почувствовал, почти ощутил это неведомое, непонятное, когда в прекрасной инсценировке «Майданек» смотрел на сытых, откормленных эсэсовцев, избивающих детей... Он бросился вперед не потому, что хотел испортить игру, соригинальничать. Он просто не мог иначе! Он почти понял! А они не хотят, или уже не могут понять. Слишком долго длилась Игра.

Дэн посмотрел на нее. И прочел в глазах то, что совсем не обязательно говорить словами.

«Игра — это жизнь. Играй, живя, живи, играя. Это не больно — боль в твоей власти. Это на страшно — ты умирал сотни раз, и столько же раз воскресал. Убивай! Это только игра! Это весело! Машины, которые умнее тебя, воскресят брненное тело, поставят на прежнее место, вложат в руки новое оружие. Играй! Не повезло сейчас — повезет в следующий раз! Кто хочет сыграть в Чингисхана? Кандидатуру на роль Гитлера, по-

быстрее! Экипаж «Энолы Гай»! Играем! Майданек, Освенцим, Хатынь, Сонгми! Играем!»

Она встала из-за стола. Волосы цвета густого меда упали на плечи, белое платье — флаг, несостоявшейся капитуляции — обрисовало фигуру.

— Я улетаю утром, Дэн. Вызови машину в семь, будь добр.

Добр. Будь добр... Она пошла в глубь сада, обернулась.

— Я посплю в шезлонге. А ты дурак, Дэн. Игра — это единственное, что придает жизни смысл. Она в нашей крови...

Холодный металл, забытый ею на стуле, обжег руку. Он поймал белое платье в полукруг прицела. Затаил дыхание. И нажал на спуск.

Факел вспыхнул в ночи, осветил сад, и бревенчатый дом, и посыпанные песком дорожки... Он остался сидеть в кресле, пока земля возле черной горстки пепла не зашевелилась. Вынырнуло тупое рыло реанимационного робота. Приполз... Миг — и машина превратилась в полтонны оплавленного железа. Он прошелся по саду, захохотал:

— Игра? Верно! Будем же играть!

Второй робот прилетел через шесть минут. Спланировал из-за деревьев... Он прицелился, выстрелил, произнес, как аксиому: — Ни один робот не причинит вреда человеку! Будем же играть!

На стенах его дома висел богатый арсенал. Он выбрал несколько штук — ковин поувесистее и повнушительнее. Присел, поглядывая на пепел. Третий робот пытался прикрыться защитным полем. Но нейтринный луч пробил поле...

Его убили к вечеру второго дня. Дом штурмовали морские пехотинцы; зеленые береты, самураи династии Тан и бригада СС из дивизии «Мертвая голова». Они умирали, воскресали, шли в бой снова. А он стрелял, зная, что уже выведен из памяти регенерирующей системы...

Дюжий десантник пнул его жалкое, искромсанное

ранами тело. Выругался, спросил:
— А как та девушка, из-за которой все началось?

— Откачали, — ответил кто-то. — Еще поиграет.

Она стояла совсем рядом. Смотрела на молчаливую толпу, поблески-

вающую самым разным оружием. И читала во всех глазах один и тот же вопрос, его вопрос... «Зачем мы играем? Что такое игра?» Шаг. Еще шаг. Она склонилась над Дэном, коснулась его лица:

— Ты победил...

За лесом, где подлый враг...

ОГНЕМЕТ РЯВКНУЛ и выплюнул капсулу. Проводив взглядом уходящий за лес дымный след, Стрелок подхватил оружие и отбежал в сторону. Он знал, что подлый враг не заставит себя долго ждать. И точно. На то место, где он только что стоял, с визгом плюхнулась огненная струя. Ответный удар, как всегда, был нанесен из такого же оружия, и очень точно. Беги Стрелок чуть помедленнее, он бы уже корчился в агонии, пытаясь стряхнуть с себя зажигательную смесь. Как это позавчера было с Артистом... Стрелок поспешил отогнать страшные воспоминания.

Он уже добежал до передней траншеи. Полковник одобрительно взглянул на него:

— Молодец, Стрелок. Хорошо ты им вдарил! Подлый враг будет побежден!

До вечера Стрелок нанес еще два удара. И еще дважды подлый враг лупил по тому месту, где он только что стоял.

Вечером Полковник приказал начать общий обстрел. Стрелок считал эту затею глупой, но возражать не решился, отложил любимый огнемет и стал настраивать излучатель. Лес стонал. Потoki огня пронизывали его насквозь. Удар — и тут же ответный. Поджаренные и парализованные птицы стаями валились на обожженную землю. Лазерные лучи, как шпаги, скрещивались над лесом.

Через полчаса бой прекратился. Все собрались у штабного блиндажа. Потерь не было, только Сержанта

легко ранили лазерным лучом в плечо. Однако он держался крепко, даже не выпустил из рук свой неизменный импульсный бластер.

И тут они увидели человека. Тот медленно вышел из леса, неся на руках что-то или кого-то.

— Подлый враг, — прошептал Полковник, расстегивая кобуру.

— Может, перебежчик? — спросил Капрал, уже держа незнакомца в прицеле парализатора.

— Не похож он на врага. Такой же, как и мы, — убежденно сказал Стрелок и внезапно подумал: а на кого он похож, подлый враг? Почему-

то раньше никогда он не думал об этом.

Незнакомец медленно спустился в траншею, словно не замечая нацеленных на него стволов. Осторожно положил свою ношу: это был светловолосый мальчик лет тринадцати. Спросил:

— Среди вас есть врач? Я не знаю, чем его зацепило.

Доктор отложил автомат и внимательно осмотрел мальчишку. Улыбнулся и сказал:

— Ничего страшного. Парализующий луч. Часа через два придет в себя.

— Подлый враг! — выругался Полковник, глядя на неподвижное тело мальчика. Стрелок вдруг вспомнил, что у Полковника в городе осталась жена и четверо детей.

— Враг тут ни при чем, — сказал мужчина. — Его задело с вашей стороны.

Все разом взглянули на Капрала.

Тот растерянно вертел в руках конус парализатора.

— Ничего. Все же обошлось. — Незнакомец обвел всех спокойными серыми глазами. — Меня зовут Странник. Я пришел издалека, и, если вы не возражаете, завтра уйду.

— Это ваш сын? — спросил Доктор Странник кивнул: —

— Да.

Было уже утро, но никто еще не спал. Вначале слушали истории Странника. А затем пели. Потрепанную гитару брал в руки то один, то другой. Наконец Певец срывающимися от волнения голосом запел любимую песню:

— Спите спокойно, любимые,
Где-то у дальней реки...

И все подхватили:

— Черным ветром гонимые,
Насмерть стоят полки.

Странник внимательно слушал. Ему, похоже, тоже понравилось. Потом встал:

— Спасибо за все. Нам пора идти. Собирайся, Тим.

С ними попрощались за руки, а потом смотрели, как они уходят вдаль, по направлению к Городу, подступы к которому вот уже многие годы прикрывал отряд.

Стрелок вдруг вскочил и побежал за Странником. Догнал и быстро спросил:

— Вы пришли из-за леса? Скажите, а каков он, подлый враг? Я здесь уже три года, но они ни разу не показались в открытую, трусы!

Странник молчал и смотрел на него. Зато мальчишка сказал:

— Там река.

— Знаем! Ну, а враги, где они находятся? — спросил Стрелок.

Мальчик смотрел на него, и во взгляде было что-то непонятное.

— Там старые склады, вдоль всего берега. И они накрыты защитным полем. Я кинул в один склад камешком, его отбросило обратно, прямо мне в руку...

Нарушение

...СИГНАЛ ПРИШЕЛ из третьего сектора. Отчетливый сигнал — несанкционированное передвижение. В таких случаях следует ждать тридцать секунд — если это ошибка, то человек успеет вернуться. Но сигнал не исчез.

Я вышел из дежурки. Пошел по коридору — вначале медленно, а потом все быстрее. Нарушитель не уйдет, я знаю, но рисковать не стоит. Где-то в глубине сознания пульсирует канал связи с координатором. Я почти ощущаю ту скорость, с которой машина обрабатывает информацию. Что-то долго нет новых данных...

«Восьмой ярус третьего сектора.
Второй этаж, коридор № 12.

Скорость движения — около семи километров в час.

Двое. Личные номера стерты.»

...Вот теперь я развил максимальную скорость. Потолочные лампы слились в мерцающие белые полосы, редкие рабочие ночной смены шаркаются к стенам коридора. Двое. Их двое. Что ж, случай, похоже, заурядный. И еще — они сумели стереть свои номера. Значит, им лет двадцать, не меньше. А я думал, школьники — они тоже часто бегут вдвоем. Координатор снова и снова обрабатывает прежнюю информацию. Что он там собирается найти? Впрочем, это не мое дело... Я должен найти нарушителей.

Прыжок в медленно сходящиеся двери лифта. Успел. Не мог не успеть — все было рассчитано точно. В лифте — трое. Смотрят со страхом, хотя и стараются улыбаться. Ничего, привык. Привык...

«Восьмой ярус третьего сектора.

Первый этаж, коридор № 367.
Скорость движения — около пяти километров в час.
Возраст — 18 лет.»

Я уже на восьмом ярусе. Теперь к шахте внутренних перевозок, быстро... Значит, им восемнадцать? Правильно, завтра день торжественного бракосочетания молодежи... Символ их вступления во взрослую жизнь. И хоть расчеты всегда безупречны, но находятся недовольные. Иногда бегут... Почему? Часто стараюсь это понять.

«Седьмой ярус третьего сектора.
Девяносто шестой этаж,
коридор № 4.
Скорость движения — около
четырех километров в час.»

Устали... Устали, беглецы. А я не устану, вот сейчас спущусь на ярус ниже и... А как они умудрились перейти из яруса в ярус? Ведь это не простой фотоблок на этажах...

«Седьмой ярус третьего сектора.
Девяносто пятый этаж, коридор
№ 14.
Скорость движения — около девяти
километров в час.
Энергия в лифтовых шахтах
отключена.
Пользуйся лестницами.»

Испугались. Почувствовали что-то... Ничего, я уже рядом. Совсем рядом.

«Местонахождение прежнее.
Объекты неподвижны.
Внимание: межъярусный турникет
был выведен из строя энерго-раз-
рядом высокой мощности.»

Координатор не добавляет: «Будь осторожен». Я говорю это себе сам. Потом пересекаю перекресток; и вбегаю в четырнадцатый коридор. Здесь пусто — наверное, этаж законсер-

вирован. Я убыстряю бег до предела, главное — внезапность. Последний поворот — и они оказываются передо мной. Стройный высокий парень в сером комбинезоне и темноволосая девушка в голубом платье. Она сидит на полу, парень склоняется над ней. Кажется, у нее что-то с ногой. Ну и прекрасно... Но парень все-таки успевает повернуться. Он тянет из кармана маленький блестящий предмет и делает шаг в сторону, заслоняя девушку. Пожалуй, сосредоточься он на одном действии, у него был бы шанс успеть...

Я прыгаю. Парень успел, заслонил девушку. Какая разница... Я даю разряд, и ослепительная белая искра бьет вперед, прямо в кармашек на сером комбинезоне. Энергии должно хватить на двоих, у меня уже были такие случаи. Так и есть, хватило.

Я иду обратно по коридору. Теперь можно и не спешить, дело сделано. Утром их подберут и покажут всему этажу, с которого они сбежали. Три дня их неподвижные тела, обтянутые специальной пленкой, будут висеть в зале собраний. Наверное, с месяц будет тихо. А потом новый побег? Почему?

Не могу понять. Они сыты. Одеты. Их вовремя ремонтируют... То есть лечат. Зачем им бежать, ведь они знают, что еще никто не покидал город. Зачем?

Я всего лишь машина. Шесть ламп, грубое подобие головы... Мозг упрятан под толстой броней. Меня зовут Механическим Псом, и меня устраивает это имя. Меня все устраивает. Но одного я не могу понять — почему они бегут? Почему?

«Третий ярус второго сектора.
Шестой этаж, коридор № 3.
Объект одиночный.»

Вначале следует выждать тридцать секунд...

Помощник

Малетин неловко наклонился к нижней полке, боднул головой стеллаж, и ему на макушку обрушилась лавина книг из серии «Жизнь замечательных людей». От ударов на миг даже потемнело в глазах.

Из библиотеки (а это Малетин понял немного попозже) он вышел совсем другим человеком. У него открылись удивительные способности — усилием мысли материализовывать воображаемое. Потренировавшись на мелочах, Малетин решил испытать себя в серьезном деле.

В первом часу ночи он с соседом Веней вышел из подъезда в пустой неуютный двор, где, согласно клятвенным обещаниям начальника ЖЭУ, уже давно должна быть детская площадка.

Малетин замер и сосредоточился. Потрясенный сосед тихо ахнул. В слабом лунном свете во дворе возник детский городок с качелями, горками, песочницами и красивым резным теремком.

— Поразительно, — бормотал Веня, бегая по городку и недоверчиво ощупывая каждое сооружение. — Да ты... да тебе... ого-го! Что ты в своей конторе штаны протираешь, — вскинулся он, — иди прорабом на стройку. Любой дом за неделю! Даже крана не надо. Стройматериалы успевай подвози. Или займись индивидуальной трудовой деятельностью. Ты все сейчас можешь.

— Нет, работу я менять не хочу, — отмахнулся Малетин, — она мне нравится.

— А если ученым показаться? — немного сбавил пыл Веня. — Всемирная известность, телевидение, пресса...

— Быть подопытным кроликом? — вздрогнул Малетин. — Да они с меня живого не слезут — доканают экспериментами.

Так и не придумав ничего подходящего, друзья разошлись.

Слетав на неделю в командировку, Веня сразу же забежал к Малетину. Тот выглядел как никогда свежо и бодро. В комнате дробно стучала пишущая машинка.

— Решил я тут заняться сбором материалов для диссертации, — пояснил Малетин ничего не понимающему соседу. — И дело продвигается.

Веня зашел в комнату и замер с открытым ртом — за письменным столом, заваленном книгами, сидел... Малетин, быстро печатая на машинке. Подняв усталые глаза, он приветливо кивнул Вене.

— Ну, не будем ему мешать, — сказал Малетин и повел ошалевшего приятеля на кухню. — Этот Малетин, оказывается, работающий парень, — похвалился он, угощая Веню чаем. — Здорово помогает. У меня и свободное время появилось. В театры хожу, в кино. Решил марки коллекционировать. Охотой займусь.

— Так ты что, — немного заикаясь от волнения, дроговорил Веня, — сотворил двойника?! Здорово! Я бы никогда на додумался до этого.

Малетин неопределенно пожал плечами и перевел разговор на другую тему:

— Есть предложение: поехали сейчас на тайландскую битгамма-выставку. Говорят, что-то бесподобное. Народу — тьма.

— Слушай, а двойник тоже может материализовать свои желания? — задумчиво спросил Веня, когда друзья стояли на остановке.

— К сожалению, эта феноменальная способность мне почему-то не передалась, — помолчав, хмуро ответил Малетин.

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Нуршин. Возвращение динозавров	3
Испытание	5
С. Лукьяненко. Спираль времени	8
Чужая боль	9
За лесом, где подлый враг	12
Нарушение	13
Н. Шевченко. Помощник	15

Литературно-художественное издание

Н/К

*Нуршин Эрик Кайдарович,
Лукьяненко Сергей Васильевич,
Шевченко Николай Александрович*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИНОЗАВРОВ

Сборник фантастических рассказов

Составитель *Трофимов Владимир Александрович*

Редактор Ю. А. Жучков
Художественный редактор С. Ямгырчиев
Технический редактор Л. Шевченко
Корректор В. Южин

Сдано в набор 21.04.89. Подписано в печать 26.04.89. 02080
Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага газетная. «Литературная»
гарнитура. Печать офсетная. 1,0 физ. печ. л. 1,002 учетн. изд. л.
1,0 усл. печ. л. 1,187 усл. кр. отт. Тираж 175 000. Заказ 346.
Цена 30 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Кыргызстан»
720737, ГСП, г. Фрунзе, ул. Советская, 170

Производственно-полиграфическое объединение «Периодика»
Госкомиздата Киргизской ССР
720000, г. Фрунзе, бул. Дзержинского, 45.